

МАНЬЧЖУРСКИЙ ГАМБИТ

ТОМ 2

ПАВЕЛ БАРЧУК КАТЭР ВЭЙ

Катэр Вэй
Павел Барчук
Маньчжурский
гамбит. Книга вторая
Серия «Маньчжурский гамбит», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73848957

Аннотация

Умереть 58-летним олигархом в своем времени – обидно. Очнуться 20-летним белогвардейцем в промерзшем вагоне, который едет в Харбин – неожиданно.

В кармане ни гроша, тело едва шевелится после тифа, а за дверью теплушки – китайские патрули, мародеры и жестокий 1920 год.

Мой главный актив – преданный казак-пластун с «маузером», пацан – наследник богатого рода, и сотня голодных эмигрантов. Моя стратегия – наглость и опыт из прошлого.

Я не собираюсь спасти рухнувшую Империю. Я построю свою.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	36
Глава 4	52
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Павел Барчук, Катэр Вэй Маньчжурский гамбит. Книга вторая

Глава 1

Я выскочил из вагона, прихватив с собой тяжелый «Маузер». Благо, этого добра у нас теперь навалом.

Тимофей, мгновенно забыв о своих душевных терзаниях и теологических беседах, вылетел следом, сжимая в руке кинжал.

Мы оба пребывали в полной уверенности – произошло что-то страшное. Очередное нападение или того хуже – кто-нибудь из новоиспеченных бойцов случайно ранил товарищей.

Морозный воздух, смешанный с отчетливым, резким запахом сгоревшего пороха, ударил в лицо.

Возле нашего эшелона творился какой-то локальный хаос. Из соседних теплушек уже повысовывались встревоженные лица. Женщины испуганно столпились на одном пятачке. Прятались за отнюдь не широкую спину княгини Шаховской, которая воинственно держала в руке поварешку.

Картина, представшая моему взору, заслуживала звание

«черт знает что!». В нескольких шагах от штаба барахтались двое молодых мужчин. Судя по всему, они безуспешно пытались кого-то скрутить. Правда, за их телами абсолютно не было понятно, кого именно.

– Кто стрелял?! – рывкнул я с таким бешенством, что барахтанье мгновенно прекратилось, но при этом ни один не вскочил на ноги. Продолжали лежать друг на друге. – Встать!

В несколько широких шагов преодолел расстояние до кучи, в которой сложно было определить, где свои, где чужие.

Петр Селиванов оказался быстрее. Он выскочил откуда-то сбоку и уже успел ухватить одного из дозорных за воротник. Оторвал его от земли, поставил на ноги.

Это был один из тех, кого Петр недавно обучал обращению с оружием. Вроде бы, его имя – Матвей. Фамилию не помню. Еще не успел выучить весь список.

Парень замер. Стоял бледный как полотно, сжимая в трясущихся руках «наган». Ствол был опущен в снег.

– Ты палил, идиот?! – прошипел Селиванов, готовый отвести горе-стрелку знатную оплеуху.

– Д-да я не в него, Петр Иваныч! Я в воздух! Для остротки! – заикаясь, начал оправдываться дозорный, испуганно поглядывая в мою сторону. – Мы стоим, караул несем. А тут из-под платформы тень – шашь! Мы ему: «Стой, стрелять будем!». А он верткий, как хорек, под вагоны нырк. А потом с другой стороны вынырнул. Наглый. Ивану вон подножку дал. Ну я курок-то с перепугу и сдернул... случайно вышло!

Палец замерз...

Селиванов молча закатил глаза. У приказчика не нашлось подходящих слов, чтоб выразить свое отношение к случившемуся. А вот Тимоха наоборот обрёл красноречие.

– Убью, щенок. – Процедил вахмистр сквозь зубы, – Еще раз повторится, пристрелю. Чем дураком небо коптить, лучше уж помереть. Кого ловили-то?

Из снега, кряхтя и отплевываясь, поднялся второй дозорный, тот самый Иван. В руках он крепко, за шкурку, держал виновника переполоха.

Все присутствующие ошарашенно замерли, изучая страшного и ужасного «диверсанта», с которым не могли справиться двое молодых, крепких парней.

Иван приподнял свою добычу повыше.

Это был самый настоящий, классический, хрестоматийный уличный Гаврош. Прямо-таки харбинский Оливер Твист, только без английских манер и с ярко выраженной криминальной хваткой.

Мальчишка лет десяти-одиннадцати. Одет в какое-то немыслимое рваное тряпье.

Безразмерный, прожженный на рукавах ватник доходил ему до колен. Штаны были подвернуты в несколько раз. Огромные, чужие сапоги норовили свалиться с ног. На голове – надвинутая по самые брови засаленная кепка.

Пацан дрыгал ногами и пытался вырваться из крепкой хватки Ивана.

Но главное даже не одежда. Лично меня до глубины души поразили лицо и взгляд этого паренька.

Его физиономия была настолько истощенной, что возникал вопрос, а когда этот ребёнок вообще ел в последний раз?

Глаза... Они абсолютно не соответствовали возрасту. Ушлые, по-взрослому цепкие, нагловатые.

Мальчишка не плакал, не дрожал. Ни черта подобного. Малолетний засранец оценивал нас. Спокойно, со знанием дела. Тот факт, что его держали за шиворот на приличном расстоянии от земли, босяка вообще не смущал.

– Пусти, дядя, порвешь! – хрипло прикрикнул он на Ивана, пытаясь вывернуться. – Я по делу пришел! Мне князь нужен! Арсеньев который! Пусти, говорю, а то мадам Розе пожалуюсь, она с тебя шкуру спустит!

Услышав имя хозяйки борделя, я сделал жест рукой. Велел отпустить парнишку.

Надо же, моя ночная вылазка по значным местам дала результат гораздо быстрее, чем рассчитывал.

– Поставь его на землю, – спокойно скомандовал я Ивану. Потом перевел взгляд на Матвея. – А ты... оружие спрячь. Опозорились на весь Харбин. От одного беспризорника вдвоем отбивались, да еще и со стрельбой. Свободны. На посты.

Дозорные, смущенно сопя, отпустили пацана, попятились к выходу из тупика. Мальчишка тут же по-хозяйски отряхнул свой безразмерный ватник, шмыгнул носом, утер его

тыльной стороной ладони и уставился на меня с вызовом.

– Ты, что ль, князь будешь? – спросил он, оглядывая мой костюм. – Больно неприметный какой-то.

Видимо, в его картине мира князья должны ходить в золотых коронах и горностаях.

– Тем не менее, перед тобой именно князь Арсеньев, – Я подошел ближе к пацану, – А ты от Розы?

– От нее самой. Бежал, чуть легкие не выплюнул по дороге.

Пацан судорожно сглотнул. Только тогда стало заметно, что его мелко бьет дрожь. То ли от холода, то ли от произошедшего недоразумения.

– А твои дураки... – он оглянулся через плечо, посмотрел вслед ушедшим парням, – Крик подняли, на весь город. Токма ни черта поймать не смогли. Это я поскользнулся. Понял? А так бы – шиш им с маслом.

– Идём в вагон, посыльный, – усмехнулся я.

Развернулся, двинул к теплушке. Боковым зрением успел заметить, как к мальчишке приблизился Тимофей, отчего пацан сразу, пулей, рванул вслед за мной.

Видимо, молчаливый вахмистр произвел на него больше впечатления, чем двое парней с пистолетом.

Селиванов, Прокин и Корф присоединились к нашей компании.

В вагоне было тепло. Буржуйка нагнала температуру так, что можно сидеть без верхней одежды.

Я указал пацану на свободные нары.

– Садись. Погрейся, герой. – Обернулся к Селиванову, – Петр, налей ему чаю. Горячего и сладкого. И каши дай, если осталась.

Мальчишка, услышав про еду, замер. Его показная, уличная бравада мгновенно испарилась. В глазах мелькнул тот самый голод, который невозможно прикрыть ничем.

Пацан тяжело, как маленький старичок, вздохнул. Опустился на край топчана, сложил руки на коленях. Можно подумать, само послушание.

Когда Селиванов протянул ему жестяную кружку с густым, дымящимся чаем и миску с остатками чумизы, пацан вцепился в еду. Он забыл про меня, про людей вокруг. Принялся работать ложкой. Глотал кашу быстро, не пережёвывая. Давился ею, словно боялся, что дармовую еду сейчас отберут.

Через несколько минут миска оказалась совершенно пустой.

Босяк вылизал ложку до блеска, аккуратно положил ее на топчан. Туда же поставил освободившуюся посуду. Затем схватил кружку, втянул носом пар, зажмурился от удовольствия и начал мелкими глотками пить сладкий чай.

– Вкусно... – растянул он в улыбке щербатый рот. – С сахаром. Мадам тоже иногда с сахаром дает, когда барыши хорошие. Я мелкую работу для нее выполняю. Письма отнести, сообщение незаметно передать. Она меня за это кормит.

– Звать тебя как, гонец? – спросил я, присаживаясь рядом.

– Пашкой кличут. Веретенников я. Павел Павлович, – с достоинством ответил мальчишка, шмыгнув носом. – Фамилиё своё знаю. И отца помню.

– Ну, рад знакомству, тезка, – я протянул ему руку. Пацан крепко, по-мужски пожал ее, – Давай к делу, Павел Павлович. Что мадам велела передать?

Пашка поставил кружку, облизнул губы.

– Мадам велела сказать, что гости пожаловали. Те самые, к которым вы интерес имели. С обеда в заведении куражатся. Постоянные посетители. А с ними один новый. Прежде мадам его не встречала. Такой... – Мальчишка пощёлкал пальцами, подбирая слова, – Весь из себя интеллигентный. В пальто. И в очках. Не нашенский. Видать, из приезжих.

Селиванов, стоявший за моей спиной тихо выругался:

– Вот гнида. Это же он...

– Погоди, Петр, – перебил я приказчика, – Продолжай, Паша. Что делали? Что говорили?

– Да гульбанят они там! – пацан оживился. – Какое-то дельце празднуют. Дюже успешное. Девоч самых дорогих заказали, шампанское. Но обещали расплатиться только через несколько дней. Залог какой-то мадам оставили. Орут на весь зал, что куш жирный сорвали. Тот, который в очках, всё водку хлещет. Потом с одной девкой ушел в номера. С Глашкой. Так она вышла и мадам все рассказала. Мол, хвастался, что теперь заживет, как барин. Что товар ценный в надежном

месте заперли. Мол, им за этот товар золота много дадут. И все про Восьмую ветку талдычил. Так вот мадам меня сразу и отправила. Сказала, они еще до вечера отдыхать будут, но потом уйдут. Никогда на ночь не остаются.

– В каком месте запрятан товар? Адрес он назвал? – я нетерпеливо подался вперед.

Пашка хитро прищурился. Он понимал, что сейчас отдаст самый ценный кусок информации.

– Назвал... Щас... Мадам Роза велела точь-в-точь фразу эту выучить... Сказал: «На Пекарной улице щенки сидят. В подвале старой типографии Сахарова. Скоро мы их обменяем на такой капитал, что вам и не снилось», – Пацан довольно ухмыльнулся, – Вот те крест, слово в слово. Меня мадам Роза несколько раз заставила повторить. А этот в очках... Глашка потом говорила, он ей все сережки золотые обещал. Ага. Ну она еще кое-что рассказывала про него, вот только... – Мальчишка с сомнением оглядел застывших рядом мужчин, – Не доросли еще господа такие пошлости слушать.

Селиванов тихо хохотнул себе под нос, поражаясь пацанячьей наглости. Корф с осуждением покачал головой. Барон был слегка шокирован, что при ребенке о подобных вещах рассказывает какая-то продажная девка.

Я кивнул сам себе. Вот все и сложилось. Мои подозрения подтвердились.

Матвей Семенович Приходько, тот самый трусливый ин-

теллигентик, оказавшись на морозе, отправился искать местечко потеплее.

Уж не знаю, как он вышел на «белую мафию». Может, случайно подвернулся им под руку, да они хотели его обобрать. Может, целенаправленно встретился. Он же о себе ни черта не рассказывал. Вдруг знакомые какие имеются среди бывших белогвардейцев.

В любом случае, очкастый сдал бандитам информацию о богатом наследнике Строганова. Ну и заодно прибился к группировке. Вот тебе и махровый интеллигент в очочках. На самом деле – гнида и мразь.

– Пекарная улица... Зброшенная типография Сахарова, – повторил я медленно. – Отлично.

Залез в карман шубы, достал тяжелый серебряный даян, вложил его в ладонь Пашки.

– Ты молодец, тезка. Свою работу выполнил на высшем уровне. Скажи мадам Розе – князь Арсеньев от души благодарит за помощь и скоро придет расплатиться. А эта монета твоя. За скорость.

Глаза мальчишки округлились от вида такого богатства. Он проворно спрятал монету куда-то в недра своего ватника.

Я резко поднялся.

– Итак, господа. Все сложилось гораздо лучше, чем мы рассчитывали. Разведданные получены. Цель ясна. Осталось подготовить аргументы для дискуссии, чтобы визит в типографию прошел максимально эффективным и без потерь с

нашей стороны.

Посмотрел на мальчишку. Не удержался, похлопал его по плечу. Хороший пацан. Даром, что уличный беспризорник.

– Ступай. Теперь тут такие дела начнутся, которые тебе лучше не видеть.

Пашка вскочил на ноги, на прощание низко, в пояс поклонился:

– Благодарствую, твоя светлость! За чай, за кашу... И за серебро.

Он поправил свою огромную кепку и тенью скользнул за дверь. Этот пацан далеко пойдет. Если не сгинет, конечно, на улице.

Как только мальчишка выскочил из теплушки, Селиванов позвал остальных «бойцов». Тех, кто будет участвовать в вылазке.

Состав, в общем-то, был достаточно неплох. Сам Петр, Василий Прокин, мы с Тимофеем, Алексей Осеев, еще семеро мужчин.

А вот Корф обиделся на меня капитально. Из-за того, что категорически отказался брать его с собой.

– Ну прекратите, барон, – Я приобнял генерала за плечо, – Вы должны остаться здесь. На вас – контроль, оборона и защита. Вы видели, что двое молодых дураков учудили? С ребенком справиться не могли. Как на них оставлять эшелон?

– Князь, я всю жизнь воевал... – Начал было Корф.

– Вы большой молодец, но сегодняшнее мероприятие это

совсем другое, – Мягко перебил я его, – Вот именно, барон, что всю жизнь воевали. Честно, по совести, благородно. Нынешняя ситуация требует иного подхода.

Генерал Корф тяжело вздохнул, но в итоге все же согласился.

– Так, господа, – я сбросил пиджак, закатал рукава рубашки. – Пора заняться сюрпризом, с помощью которого мы войдем в типографию без приглашения. Убедительно прошу всех отойти в дальний конец вагона и убрать огонь! Печку прикройте. И... Давайте сообразим стол. На топчане будет слишком неудобно.

Тут же началась суета. Кто-то тащил с улицы доски, кто-то ящики. Через полчаса в штабе, в углу, подальше от печки, появился импровизированный стол.

Я сгреб все компоненты, перенес их туда. Работать нужно быстро, но без суеты.

Для начала занялся запалом – фитилями.

Плеснул в металлическую кружку немного крутого кипятка из чайника, стоявшего на буржуйке. Щедро засыпал туда калиевую селитру, размешивая деревянной щепкой до полного растворения, пока вода не перестала принимать порошок. Нарезал купленный хлопковый шпагат на равные куски, сантиметров по пятнадцать, и бросил их вымачиваться в крепкий соляной раствор.

Минут через десять достал пропитанные нити, аккуратно разложил их на теплой металлической крышке печки, чтобы

влага быстро выпарилась. Селитра кристаллизовалась прямо в волокнах хлопка. Идеальный, ровногорящий стопин готов. Он не потухнет от ветра.

Пока фитили подсыхали, приступил к основной фазе. Аккуратно, стараясь не пылить, высыпал на большой лист плотной бумаги магниевый порошок и бертолетову соль. Деревянной ложкой начал осторожно, перекатами смешивать их до однородной серовато-белой массы. Металлическими предметами мешать нельзя. Даст искру.

– Смотрите и запоминайте, – негромко комментировал процесс, засыпая смесь в жестяные банки из-под чая.

Вставил готовые, просохшие селитровые фитили в крышки от банок, предварительно проделав отверстия. Закапал растопленным воском от свечи, чтобы намертво зафиксировать детонатор, исключить малейшее попадание влаги внутрь.

Затем начался процесс упаковки. Я брал куски старой, жесткой кожи, оборачивал ими банки в несколько слоев, добавлял сверху холстину. И всё это дело туго стягивал суровой бечевкой.

– При взрыве, – пояснял притихшим зрителям, – порошок мгновенно расширяется. Жестянка лопается, но толстая кожа и веревки держат давление до последнего. Когда они наконец рвутся, то не дают острых, смертельных осколков. Зато звук и ослепительный свет вырываются наружу. В замкнутом пространстве эффект будет такой, что у них барабанные

перепонки полопаются. Они ослепнут и оглохнут. Выиграем секунд десять-пятнадцать за счет полной дезориентации противника. Этого хватит.

Первая граната легла на стол. Неказистая, похожая на колбаску. Пойдёт. Красота тут не главное.

Генерал Корф недоверчиво, с прищуром рассматривал мое творение, прицокивая языком.

– И неужто это сработает так, как вы описываете, князь?

– Эффект будет ошеломляющий, Ваше Превосходительство.

Минут через двадцать работа была закончена. Всего получилось пять штук. Пойдет.

Медленно, несколько раз, сжал и разжал пальцы, избавляясь от напряжения. Представил, как вхожу в этот подвал. Как нахожу там Очкастого. Главное, не сорваться и не вколотить эти круглые очки прямо в его поганую, трусливую рожу.

Посмотрел на своих товарищей.

– Ну что, господа. Инструменты готовы. Оружие имеется. Цель ясна. Старая типография Сахарова на Пекарной улице. Прошу всех подготовиться. Ровно в полночь мы должны войти внутрь. А нам еще нужно провести разведку непосредственно возле здания. Генерал Корф, вы остаетесь за старшего. Никого не впускать, не выпускать, на провокации не поддаваться.

– Простите, князь, – спросил Осеев, – А почему именно в полночь?

– Потому что мне так нравится, – усмехнулся я в ответ.

Глава 2

С Восьмой ветки наша группа отчаянных бойцов за справедливость выдвинулась ближе к полуночи. Перемещались кучками по три человека. Партиями. Чтоб не привлекать внимания.

В ночном Харбине это – лучший способ остаться незамеченными. Обычные прохожие. Тени, которые шатаются по городу в поисках опиума или случайного заработка.

Тимоха ушел один, раньше остальных. Ему нужно было провести разведку. Вахмистр не особо хотел оставлять меня без присмотра, но мы решили – так будет правильно. Из всех членов отряда только он мог за двадцать минут детально осмотреть место, где «окопались» бандиты, и составить четкую картину.

Я топал рядом с Прокиным и еще одним парнем. Шубу пришлось оставить в теплушке. Чисто из соображений практичности. Черт его знает, как пройдет наше мероприятие. Вдруг придется бегать, прыгать или махать кулаками. Вместо этого натянул пальто, которое заботливо приготовила Шаховская. Возможно, это тоже был запас из вещей ее сына, не знаю.

Ветер с Сунгари казался по-настоящему злым. Он вгрызался в лицо, швырял ледяную крошку вперемешку с запахом гнилой рыбы и угольной гари. Я чувствовал, как холод

нахально пробирается под одежду, но в груди начала формироваться знакомая горячая пульсация.

Чувство из прошлой жизни. Смесь адреналина, ледяной ярости и странного, почти буддийского спокойствия. Так ощущает себя игрок, который уже подвинул весь свой капитал в центр стола. Карт еще не видно, но решение принято, и назад пути нет.

Вообще, конечно, некоторые улицы Харбина ночью – это декорация к дешевому триллеру. Сияющие витрины центральных кварталов остались позади. Здесь, в районе Пристани, фонари горели через один. А те, что работали, подчеркивали мертвенную бледность сугробов и унылую тоску домов.

Для современного человека, привыкшего к яркому неону и камерам на каждом столбе, этот пейзаж выглядел как оживший ночной кошмар на зернистой киноплёнке. Полное отсутствие цифрового шума и «умного» освещения делало тьму в подворотнях осязаемой, как мазут.

Старый добрый хоррор без компьютерной графики, зато с натуральными спецэффектами в виде гнилого мусора и крыс. Никаких «тревожных кнопок», отрядов полиции и групп быстрого реагирования. Если тебя посадят в подворотне на ржавое перо, это не попадет в сводки происшествий и не завирусится в соцсетях. Ты просто исчезнешь.

До цели оставалось всего ничего, когда я резко остановился. Прокин и мой второй напарник замерли, вопросительно

обернулись.

– Двигайте дальше по маршруту, – негромко скомандовал я. – На углах не кучкуйтесь, держите дистанцию в двадцать шагов. Я задержусь на пару минут, дождусь следующую тройку. Перегруппируемся.

Они кивнули и, не задавая лишних вопросов, растворились в вязкой темноте переулка. Я вжался в нишу между кирпичным выступом и штабелем каких-то промерзших ящиков. В голову пришла идея, которую нужно было донести до исполнителя немедленно, пока мы не вышли на финишную прямую.

Минуты через четыре из-за угла вывернула очередная партия наших «диверсантов». Я узнал их по силуэтам. В центре, чуть сутулясь от сырого ветра, шагал Михаил Манджгладзе. Вот он-то мне и нужен.

Когда парни поравнялись с моим убежищем, я бесшумно шагнул вперед, перехватил Михаила за локоть. Группа по инерции остановилась.

– Князь, задержитесь, – обернулся к остальным, – Продолжайте движение. Пристройтесь в хвост Прокину, мы догоним.

Бойцы молча кивнули и, ускорив шаг, через мгновение исчезли в морозном мареве. Мы остались вдвоем.

– Идемте, князь, – я подтолкнул его плечом, задавая темп. – Есть одна интересная задумка. Буду излагать по дороге, времени в обрез.

Михаил подобрался, зябко передернул плечами, стараясь не отставать. На нем было добротное суконное пальто – результат ревизии нашего «общака».

Оказалось, что мои подопечные, несмотря на панику при бегстве из Читы, умудрились набить чемоданы горой шмотья. Логика, на мой взгляд, дебильная. Вместо того чтобы брать золото или бытовые необходимые вещи, люди тащили через границу узлы с тужурками и полушубками.

Впрочем, сейчас это барахло пришлось кстати. Грузинский князь хотя бы перестал напоминать замерзшую сиротку и обзавелся вполне теплым прикидом.

– Послушайте... – продолжил я, когда мы вышли на пустой участок улицы. Эхо наших шагов впитывал рыхлый снег. – Вы же полиглот. Китайский, японский для вас – не проблема. Хочу это использовать.

Михаил внимательно слушал указания, ловил каждое мое слово.

– Как только светошумовые жахнут внутри зала, ваша задача – включить актера на полную мощность. Орите. Громко, яростно, на обоих языках сразу. Что-нибудь про приказ военного коменданта, немедленный арест и окружение. Создавайте максимум шума. Как от толпы людей. Устройте бандитам форменный бедлам.

Я покосился на Михаила. Хотел удостовериться, точно ли он понял мою мысль. Физиономия у князя была сосредоточенная. Значит, все дошло.

– Бандиты должны быть уверены, что их базу штурмуют не беженцы из теплушек, а сводный отряд китайской полиции, жандармерии и японских спецслужб одновременно. Вспышка ослепит глаза, а ваш ор – парализует остатки сообразительности.

– Понял, Павел, – Михаил важно кивнул, в его взгляде появился азарт. – Я... я справлюсь. Можете не сомневаться. В Лондоне посещал курс театрального мастерства... Никогда бы не подумал, что Шекспир пригодится при подобных обстоятельствах...

– Вот и отлично, – я коротко хлопнул князя по плечу. – Покажите им такого «Гамлета», чтобы у этих сволочей разом случился нервный припадок и непроизвольное расслабление кишечника.

Мы прибавили шаг. До нужного места оставалось два квартала.

Типография Сахарова выплыла из темноты массивным кирпичным силуэтом.

Старое здание, обнесенное высоким забором. Окна – черные провалы, кое-где забитые крест-накрест. На первом этаже, за грязными стеклами, мигал тусклый, желтоватый свет.

Тимофей выступил из темноты так неожиданно, что меня, честное слово, чуть не хватил кондратий.

– Чтоб тебя! Тимоха! – я покачал головой, переводя дыхание, – Не делай так больше. Ранняя седина мне не к лицу.

– Простите, Павел Саныч, – прошептал вахмистр. – Рас-

клад следующий. Основной вход один, с фасада. Дверь тяжелая, дубовая, открывается внутрь. Там двое часовых. Курят, лясы точат. Винтовка одна на двоих, прислонена к косяку. Расслабились, лярвы.

Я кивнул, фиксируя детали.

– С тыла есть рампа. Похоже использовалась для погрузки бумаги, – продолжил Тимоха, – Дверь там хлипкая, заперта на засов изнутри. Селиванов с тремя бойцами уже возле нее, ждут отмашки. Они войдут, будут контролировать проход. Осеев с группой перекрыли боковой переулочек и окна первого этажа. Если кто решит сигануть в сугроб – примут на раз. Еще один «глаз» на галерее второго этажа, внутри зала. Ходит по кругу, поглядывает вниз, вооружен наганом.

– Дети где? – спросил я, всматриваясь в темный силуэт топографии, – Главное, чтоб во время штурма они не пострадали.

– В залах их нет. Там дым коромыслом и патефон орет. В левом крыле есть отдельный спуск, за кованой решеткой. Похоже на подвал. Окон у него не имеется. Выход один. Самое место для того, чтоб схоронить детишек.

Я прикинул в голове описанную Тимофеем схему здания.

– Работаем, – скомандовал через минуту, – На входе действуем без лишнего шума. Снимаем часовых чисто. Лишние трупы нам сегодня не нужны, Тимоха. Я хочу, чтоб этот город видел во мне человека, с которым можно и нужно договариваться. Мне не нужна репутация бешеного пса, кото-

рый заливает улицы кровью. Местные должны понимать, мы имеем все возможности вырезать их к чёртовой матери, но не стремимся к этому. Страх эффективнее смерти, если им правильно управлять.

Вахмистр насупился, пожевал губами. По его мрачной физиономии стало понятно – он с гораздо большим удовольствием грохнул бы всех, кто сидит в типографии. Умение лавировать и договариваться точно не входят в список достоинств пластуна. Однако дисциплина взяла верх над казачьей удалью.

– Сделаем, ваше сиятельство. Как в аптеке, – кивнул он.

Затем, махнул рукой всем группам которые наблюдали за нами со стороны, и тенью скользнул в сторону фасада.

Я вдохнул. Выдохнул. Пульс был ровным. Секундомер в голове запустил обратный отсчет.

Тимофей сработал красиво, в лучших традициях пластунской разведки. Он не стал подходить вплотную сразу. Дождался, пока один из часовых отвернется, чтобы прикурить, а второй зайдется в кашле. Вахмистр переместился вперед, используя мертвую зону у самого косяка.

Два резких, скупых движения. Сначала – кулаком в основание черепа первому, затем – мгновенный перехват горла второму. С одновременным ударом рукоятью кинжала в висок. Всё заняло не больше трех секунд.

Тела караульных обмякли. Тимофей аккуратно, беззвучно, опустил их на обледенелые ступени. Наган технично пе-

рекочевал в карман вахмистра. Мосинка исчезла в темноте. Так понимаю, ее подхватил кто-то из наших.

Тимоха обернулся. Коротко кивну. Путь чист.

Мы вошли в здание. В нос тут же ударил тяжелый коктейль из остаточных запахов типографской краски и дешевого, сивушного алкоголя. Внутри было натоплено, и этот смрадный дух буквально накрывал с головой.

Где-то в глубине истошно надрывался патефон. Играла цыганская плясовая. Скрип половиц под нашими ногами тонул в музыке и пьяном гоготе, доносившемся с той же стороны.

Заходили основной группой – я, Тимофей, Михаил и четверо самых крепких мужиков, включая Осева с Прокиным. Остальные караулили снаружи и на лестнице. Контролировали выходы.

Мы двигались быстро, «елочкой». Все как по учебнику. Двое парней тут же ушли наверх, на галерею. Пара секунд, глухой удар тела о доски. Все. Территория наша полностью.

Внезапно из-за поворота вывалился пьяный персонаж в расстегнутой гимнастёрке. Глаза мутные, рожа красная.

Он резко затормозил. Вытаращился на нас. Открыл рот, чтобы выдать вопль, но получил короткий удар под дых. Сложился пополам, захлебываясь собственным криком.

Я схватил его за сальные волосы, вздернул голову вверх.

– Где Горелов? – спросил тихо, ласково. – Советую отвечать быстро и содержательно. Если не хочешь сдохнуть пря-

мо сейчас.

– Т-там... в зале... – просипел резко протрезвевший придурак, пуская слюну. – Poker... Играют... Десять их...

Я оттолкнул его в сторону. Вахмистр тут же, без промедления вырубил бедолагу.

Мы просочились вперед, замерли у массивных двустворчатых дверей зала. Оттуда несло куревом и пьяным торжеством. Патефон сменил пластинку на «Ой, мороз, мороз...». Очень символично.

Я вытащил свои «гранаты». Приготовил две жестянки, туго обмотанные кожей. Еще три – у Селиванова. На всякий случай.

Поджег фитили. Подождал ровно три секунды, глядя, как искры вгрызаются в пропитанную селитрой нить. Приоткрыл дверь на пару сантиметров.

Помещение было достаточно просторным. В центре зала – большой стол, за которым сидели десять человек. Горелов, в кожаном картузе, нагло развалившись в кресле, сдавал карты. Его окружали такие же хмыри. Рожи пропитые, наглые, уверенные в своей безнаказанности.

Очкастого нигде не было видно. Похоже, гнида еще не дорос до столь солидной компании. Ну и черт с ним, найду его позже.

Я одним движением толкнул дверь, открывая ее шире. Вкатил обе банки в центр зала и с силой захлопнул створки. На всякий случай уперся в них плечом.

Внутри жажнуло. Это был плотный, хлесткий хлопок, за которым последовала ослепительная вспышка, пробившаяся даже через щели в дверях.

Тут же подключился Михаил. Он выдал серию яростных, гортанных команд на китайском и японском.

– Приказ коменданта! Всем лежать!

За дверью на секунду воцарилась гробовая тишина, которая мгновенно сменилась паническими воплями.

– Пошли! – рявкнул я и рванул двери.

Зал был заполнен белым едким дымом, смешанным с пылью обсыпавшейся штукатурки. Картина – чистый Голливуд.

Десяток тел катались по полу, зажимая глаза и уши. Кто-то пытался ползти, кто-то просто выл в голос. Магниева вспышка в замкнутом пространстве «выключила» всех присутствующих на несколько минут.

Мои бойцы ворвались следом, мгновенно рассредоточившись по периметру.

– Всем лежать, суки! – рявкнул я, вскидывая маузер. – Кто шевельнется – убью!

Тимофей коротким взмахом ствола дал Прокину и Осееву сигнал, чтобы они начали собирать оружие.

Парочка наганов валялась на полу. Наверное, кто-то из бандитов искренне собирался отстреливаться. Еще два мои парни сняли с «контуженных» белогвардейцев.

Дым от магниевых вспышек медленно оседал. Я огляделся по сторонам, выискивая своего основного оппонента.

Горелов сидел на полу, привалившись спиной к перевернутому дубовому столу. Видимо, идиоты пытались этим столом прикрыться. Вокруг, в лужах разлитого алкоголя, в осколках битого стекла, валялись карты и деньги. Кожаный картуз штабс-капитана лежал тут же.

Горелов нагло усмехнулся. Это была демонстрация уверенности и откровенное – «я тебя не боюсь!».

Брешет сволочь. Бойтся. Еще как. Просто не хочет показывать.

Правая рука белогвардейца медленно потянулась к разбитой бутылке, которая превратилась в уродливую «розу» с острыми, как бритва, краями.

Мои брови удивлённо поползли вверх. Он что, серьезно? Собирается отбиваться куском стекла? Этот жест отчаяния выглядел настолько нелепо, что мне даже стало смешно.

Тратить время на слова не стал. Вскинул руку и выстрелил. Не в Горелова. Рядом.

Пуля вошла в половые доски в пяти сантиметрах от пальцев штабс-капитана, выбив веер тяжелых щепок. Одна из них полоснула ублюдка по щеке. Он дернулся, зашипел. Из мелкого пореза тут же выступила кровь.

– Лежать, господа, – произнес я негромко. – Если не хотите, чтоб ваши мозги стали деталью интерьера. Навсегда. И это не художественный оборот.

Михаил за дверью отработывал на все сто. Он продолжал выкрикивать что-то резкое на японском, разными голосами.

Причём голос его доносился то с одной стороны, то с другой. Топотал ногами князь так, будто в коридоре и правда развернулся целый отряд.

Нормально. Пусть «белая мафия» верит, будто князь Арсеньев явился с серьёзной поддержкой.

Осеев и Прокин отошли в сторону. Замерли возле окна. Вахмистр медленно кружил по залу. Держал под контролем сразу всех белогвардейцев.

Один из бандюков, молодой и явно не очень умный, решил проявить неуместный героизм. Когда Тимофей проходил мимо, резко дернулся, пытаясь выхватить спрятанный в голенище нож.

Тимоха даже на секунду не остановился. Он все сделал мимоходом. Короткое, ленивое движение – и тяжёлый кованый сапог припечатал кисть парня к полу. Раздался сухой, противный хруст ломаемой кости.

– А-а-а-а! – захлебнулся воплем молодой дурачок.

– Не балуй, – пробасил Тимофей, не глядя на него, и... пошел дальше. Как ни в чем не бывало.

Я разглядел в этом хаосе уцелевший венский стул. Поставил его прямо напротив Горелова. Сел, небрежно положил маузер на колено. Ствол смотрел ровненько в грудь штабс-капитана.

Внезапно мое внимание привлекла еще одна фигура в углу. Вжавшись в кирпичную кладку, там замер мужчина лет тридцати пяти. Одиннадцатый. А должно быть десять, если

верить словам придурка из коридора.

Я внимательно оглядел господина с ног до головы. Лицо интеллигентное, породистое. В тонких пальцах – смятая шляпа. На левой скуле – сочный, фиолетово-черный синяк. Свежий.

Мужчина испуганно моргал, но в его взгляде отчетливо читалось торжество. Он радовался тому, в каком положении оказались бандиты. Даже за свою жизнь не особо переживал.

Похоже – проситель, который явился к Горелову, чтоб договориться. Бедолага, попавший сначала под горячую руку штабс-капитана, а потом и под наш замес. Ладно, черт с ним. Сейчас надо разобраться со своими насущными вопросами.

– Ефим Петрович... или как тебя там... – я чуть наклонил голову набок, пристально изучая жоака этой коды. – Мы ведь вчера неплохо пообщались. Мне казалось, все точки над «и» были расставлены. Получается, ошибся? Ты почему-то решил, что князь Арсеньев – добрый юноша с хорошими манерами. Трагическая ошибка.

Горелов сплюнул на пол густую, розовую от крови слюну. В нем еще бродила остаточная дерзость.

– Ты... ты не понимаешь... Это наш район. Здесь законы – наши... – заблеял он.

– Были ваши, – перебил я штабс-капитана, – Теперь действуют другие правила. Ты взял то, что тебе не принадлежит и по определению принадлежать не может. Тронул моё. А дети, господин Горелов, это вообще святое. Я расценил твой

необдуманный поступок как объявление войны.

Помолчал пару секунд позволяя белогвардейцу проникнуться сказанным, затем коротко спросил:

– Где они?

Горелов замялся, его глаза метнулись в сторону.

– В подвале... – ответил штабс-капитан, теряя остатки спеси. – Живы... Мы их даже накормили.

– Какое благородство, – я усмехнулся. – Прокин!

Василий в два шага оказался рядом. Его лицо было бледным, глаза горели лихорадочным блеском.

– Давайте покажу, как пройти в подвал... – подал вдруг голос интеллигент из угла. – Я знаю, где лестница. В конце коридора, за железной дверью.

Горелов резко повернул голову и оскалился в сторону мужика:

– Ну всё, доктор... ты покойник. Из-под земли достану.

Я молча кивнул Тимофею. Тот моментально оказался рядом с белогвардейцем, отвесил ему смачный подзатыльник.

– Помолчите, штабс-капитан. Вы мешаєте общаться культурным людям, – с укоризной сказал Горелову, затем переключился на интеллигента, – Реально врач?

Тот нервно сглотнул, кивнул, продолжая мять шляпу в руках.

– Да... Сергей Петрович Лебедев. Так меня зовут. Врач. Пришел просить этого... господина... об отсрочке долга.

– Ясно, – кивнул я, – Сергей Петрович, будьте любезны,

проводите моего человека в подвал. Алексей, ступай с ними.

Василий вместе с Осеевым и врачом скрылись в проеме двери. В зале повисла густая, тяжелая тишина, нарушаемая только скулежом бандита со сломанной рукой. Я продолжал смотреть на Горелова, не мигая. Как удав на кролика.

– Теперь о цене, Ефим Петрович, – заговорил с ним через минуту, когда напряжение стало осязаемым, – Ты мне должен. Три тысячи золотом. Это штраф за нарушение границ и моральный ущерб моим людям.

– Сдурел?! – Взвился штабс-капитан, – Откуда такие деньги?!

– Да мне плевать, – я небрежно пожал плечами, – Ты провинился, дружок. Очень сильно. А за свои ошибки надо платить. Всегда. Скажи спасибо, что не кровью. Но если очень хочешь...

Я поднял Маузер, демонстративно прицелился Горелову ровно в сердце.

– Не надо! – выкрикнул он. – Не надо кровью.

– Вот! – я наигранно взмахнул руками, – Соображаешь, когда хочешь. Если золота не будет, мы придем снова. Ты пойми, штабс-капитан, дело не в наживе. Дело в принципе.

В этот момент из коридора донёсся звук быстрых шагов. В зал вбежал Прокин. На руках он нес Марка и Павла.

Близнецы вцепились в отца мертвой хваткой, но не плакали. Молодцы. Следом шел Никита. Лицо грязное, под глазом фингал, губа разбита. Похоже, он даже пытался сражаться с

бандитами. В любом другом случае ублюдки не стали бы его бить. Слишком ценный.

Забавный мальчишка. Наверное, и правда, дело в породе.

Следом за Никитой топали Осеев и доктор.

Заметив меня, пацан на секунду замер. Потом решительно подошел. Остановился.

– Ваше сиятельство... знал, что вы придете.

Я чуть со стула не свалился. Впервые он что-то сказал вслух. Реально. До этого момента не слышал от него ни слова.

Я встал на ноги. Положил руку мальчишке на плечо.

– Молодец. Держался.

Никита шмыгнул носом, кивнул.

– Накормили они их, ага... – голос Прокина дрожал от ярости, – Сухари плесневелые да вода ржавая! Сволочи!

Я обвёл взглядом бандитов. Все. Больше нам тут делать нечего.

– Уходим, – скомандовал своим.

Мы двинулись к выходу. Прокин с детьми – впереди. Я, Тимоха и Осеев прикрывали. Доктор, решив, что здесь ему делать больше нечего, присоединился к нашей компании.

Внезапно, краем глаза, слева от себя, заметил движение. Один из бандитов лежал у стены. Он казался до сих пор оглушённым. Но конкретно сейчас его рука осторожно тянулась к валяющейся на полу шинели. Похоже, Осеев и Прокин проглядели этого уroda. Под шинелью спрятано оружие.

Или лежит в кармане.

Я резко развернулся, вскидывая маузер.

Белогвардеец понял, что его тактика раскрыта. Он рванул к этой чертовой шинели, выхватил маленький, никелированный деринджер. Пугалка для портовых девок, но убивает она весьма эффективно.

Грохнули выстрелы. Не один, сразу несколько.

Первый – мой. Второй – бандита. Третий – Тимофея. Вахмистр пальнул в урода почти одновременно со мной.

Белогвардейца отбросило на пару метров. Он охнул, завалился набок и замер в нелепой позе. Вокруг начала растекаться кровавая лужа.

– Уходим! – рявкнул я. Меня эта ситуация немного выбила из колеи. Взбесила.

Вышли в коридор, закрыли двери. Подпёрли их какой-то железной болванкой. Тут же подскочил Тимофей, лицо его казалось слишком бледным.

– Зацепило?

– Да нет, вроде – уверенно ответил я. И даже сделал ещё несколько шагов.

А потом почувствовал толчок в ребра, будто кто-то ткнул пальцем. Еще секунда и начал гореть бок. Сначала глухо, потом невыносимо.

Я сунул руку под пальто. Влажно, липко, горячо.

Вытащил, с удивлением посмотрел на свою ладонь. В тусклом свете кровь казалась абсолютно черной.

Сука. Все-таки попал. Хотел сказать это вслух, но не смог. Пол поплыл под ногами. Стены наклонились.

– Пал Саныч? – голос Тимофея доносился словно сквозь толщу воды.

Я попытался сделать еще шаг, однако ноги больше не слушались. Они вдруг стали ватными, чужими.

Последнее, что увидел перед тем, как рухнуть в кромешную тьму – перекошенное ужасом лицо вахмистра.

Ну, хоть не павлины в этот раз...

Глава 3

Тишина – это самая громкая, самая опасная ложь на свете. В ней нет ни покоя, ни благодати. Только назойливый звон, который ввинчивается в череп раскаленным сверлом. И густой, липкий привкус ржавчины на языке.

Кровь. Опять эта чертова кровь. Она преследует меня в обеих жизнях, будто я заключил долговой контракт, где проценты выплачиваются исключительно по нарастающей.

И картинки. Ясные, четкие.

Я снова стою на пустыре в Тушино. Под ногами хлюпает грязная каша из талого снега, мазута и машинного масла. Опять. Как тогда. Знакомый до тошноты пейзаж.

Прямо напротив меня Сиплый лениво крутит на пальце ключи от своего «Чероки». Металлический звон режет слух, как скрежет металла по стеклу.

– Слышь, Инженер, ты рамсы попутал, – голос Сиплого звучит глухо, будто он вещает из пустой цистерны. – Это наш эшелон, и чего с этими людьми будет – наш гешефт. Тебя это волновать не должно. Иди своей дорогой, пока ноги носят.

Вообще, я хотел ответить ублюдку, что эшелон не имеет к нему никакого отношения. И за такие предьявы в приличном обществе принято выбивать зубы. Но вместо слов из горла толчками вдруг начала выплескиваться черная густая субстанция. Типографская краска.

С удивлением уставился на эту жижу. Откуда она? Я же ни черта не типографский станок.

Сиплый вдруг начал двоиться, расплываться в сером маре. Рядом с ним, словно из тумана, проступила фигура в тяжелой офицерской шинели.

Вахмистр. С мосинкой наперевес. Странно. Он-то как оказался в Тушино?

– Быстрее, Петр! Быстрее! Вот туда! Несите! – гаркнул Тимоха, но голос его доносился откуда-то сверху, с небес. – Павел Саныч, родной! Только не умирай! Я ж себе этого до конца жизни не прощу!

Хотел ответить Тимофею, что никто умирать не собирается, но декорации дернулись и резко изменились. Будто невидимая рука сменила кадр в старом проекторе.

Тушинские гаражи вдруг превратились в нарядный зал с колоннами и лепниной. Паркет, ослепительный блеск люстр, запах дорогого французского парфюма и... пороховой гари.

Я посмотрел на свои руки – тонкие, с холеными пальцами, они сжимали не рукоять тяжелого маузера, а хрупкую талию дамы в пышном платье.

– Паша, ты опять опасаясь дуэли? – прошептал женский голос, обжигая ухо холодом. – Трус не может быть Арсеньевым. Ты так никогда не станешь мужчиной...

Лицо женщины было размыто, как на старой, выцветшей от солнца фотографии. Но я кожей чувствовал – это ЕГО воспоминания. Настоящего князя. Детские страхи, разоча-

рования, дурацкие дворянские обиды, застрявшие в горле комом... Нет. Точно не мое.

– Не Паша... – прохрипел я, пытаюсь оттолкнуть призрачную особу. – Не зови так.

Но девушка растаяла в моих руках, как оплывшая восковая свеча.

Резкая вспышка магния.

Г-Р-РАХ!

Мир снова вывернулся наизнанку. Тьма сгустилась, но не полностью. Прямо передо мной из липкого черного тумана вышли двое.

Знакомые рожи. Те, кого я похоронил еще в прошлой жизни, но они упорно не хотят лежать в своих могилах.

Ванька Косой. В заляпанной кровью кожанке, с дырой в животе, сквозь которую просвечивает серый свет небытия. Он сплюнул под ноги – густо, багрово. Посмотрел с откровенным осуждением.

– Мочить их надо было, Серега! – От его голоса в башке что-то ухнуло и запульсировало. – Всех, до единого! Под корень вырезать, чтоб и памяти не осталось. А ты? Дипломатию развел? Интеллигента включил? Деринджер в бок поймал? Лох ты, Серега, хоть и Инженер...

– Не гони, Ваня, – раздался спокойный голос.

Егор. Он замер чуть в стороне, чистый, аккуратный, как всегда. Только в виске – маленькая, глубокая дырочка.

– Ты рамсы с тактикой не путай, – Егор смотрел на меня

с холодным одобрением. – Серега всё правильно рассчитал. Гора трупов в той типографии – это не авторитет. Это идиотизм. Если бы положили всех десятерых, его бы к следующему утру обнулили. Коллективно. И японцы, и китайцы, и местные авторитеты. Кому нужен отморозок, который не играет по правилам? А так – обозначил силу, но оставил шанс дышать. Это бизнес, Ваня. Тебе не понять.

Ванька зарычал, подался вперед:

– Да плевать на твой бизнес! Кровь за кровь! Они на наше позарились! Всех в расход!

– Ты дебилом был, Вань, и сдох дебилом, – отрезал Егор. – Серега сейчас фундамент под империю закладывает. Ему репутация нужна, а не клеймо мясника.

Я попытался вклиниться в их спор. Хотел сказать – сам разберусь, сколько крови нужно пролить, а сколько оставить. Уж точно не двум мёртвым товарищам это решать. Но горло было забито этой чертовой липкой жижей. Я только хрипел и все.

Ванька в бешенстве развернулся к Егору, смачно плюнул ему прямо в лицо кровавым сгустком. Тот, не моргнув глазом, ответил тем же – серой, вязкой слизью. Два моих друга, два столпа старой бригады, стояли посреди этого илиотского бреда и, словно озлобленные школьники, увлеченно заплывали друг друга мертвечиной.

«Боже, что за бред...» – пронеслась в голове смазанная мысль.

Ванька и Егор пропали. Просто – раз! – и нет их больше. Зато резко пришёл холод. Такой лютой, что легкие в одно мгновение превратились в два куска льда. Я вдруг открыл глаза. Наверное, открыл.

Надо мной был потолок. Темный. И склоненные лица – гротескные, искаженные. Тимофей с ножом в зубах, похожий на пирата. Интеллигентный доктор с окровавленным скальпелем. Металл переливался в свете коптилки зловещими бликами.

У вахмистра почему-то подозрительно влажные глаза. Похоже, он плачет. Странно. Тимоха и слёзы – абсолютно бредовое сочетание.

Я хотел спросить, зачем Тимофей грызет кинжал, но мир окончательно схлопнулся. Осталась только вязкая пустота, пахнущая сушеными травами, камфорой и чем-то приторно-сладким, дурманящим.

Не знаю, сколько прошло времени. Может минута, может час, может вечность.

– Бу тун... – прошелестел над ухом певучий, почти невесомый голос. – Бу тун...

Я снова с трудом разлепил веки. Реальность вокруг была желтой, мутной, затянутой слоем призрачной марли.

И снова тот самый потолок. Темные, закопченные балки, с которых гроздьями свисают пучки кореньев и сморщенные тушки, подозрительно напоминающие змей.

Надо мной... девушка. Совсем молоденькая китаянка в

черном платье, разрисованном красными маками. Эти маки упорно лезли мне прямо в рожу.

Я попытался сфокусировать взгляд, рассмотреть незнакомку.

Тонкие, как ниточки, брови. Глаза... Красивые. Очень. Чёрные, бездонные. Губы... Тоже красивые. Полные, мягкие. Приятно, наверное, целоваться.

Над головой незнакомки почему-то сиял нимб. Или так падает свет из узкого окна?

В голове медленно, лениво прополза дурацкая мысль: «Ангел?».

Мне вдруг стало смешно. По-моему, я даже издал какой-то звук, похожий на хихиканье.

Китайский ангел, мать вашу...

Других, что ли, в штате небесной канцелярии не нашлось? Или у них по территориальному признаку распределяют? Погиб в Маньчжурии – получай серафима с раскосыми глазами и запахом камфоры.

– Хэ яо... – прошептала двушка, а потом осторожно влила мне в рот какую-то горькую дрянь.

Я попытался дернуться. Хотел выплюнуть пойло. Это был протест. Не собираюсь хлебать подозрительную хрень. Даже из рук китайского ангела. К тому же вкус у этой хрени – отвратительный.

Но тело было чужим. Ватным. Его словно прибили к жесткой кушетке невидимыми гвоздями, как коллекционную ба-

бочку.

– Где... наши? – хрип вырвался из груди вместе с резкой, ослепляющей вспышкой боли.

– Тихо, господин, – Слева раздался мужской голос, пониже и погуще. – Лежи. Доктор Петрович тебя зашивал, как рванный парус. Старый Шэнь теперь выхаживает.

– Ой, да идите вы все на хрен... – отчётливо произнес я. Потом плюнул на свои дебильные видения, закрыл глаза и провалился в спасительное «ничто».

Сколько еще прошло времени – понятия не имею. В состоянии беспамятства вообще теряешь ориентиры. Реальность начала возвращаться рывками.

Резкий вздох. Вспышка боли в левом боку. И голос «ангела», который продолжал что-то напевать на своем языке. Эта мелодия убаюкивала меня. Как хорошее, дорогое сновтворное.

Боль в груди начала тупеть, превратилась из острого ножа в тяжелый, холодный серый камень.

– Слышь, серафим... – прошептал я, чувствуя, как сознание снова уплывает. – Сообщи там своим... в главном офисе... Пусть Очкарика пока в ад не принимают. Я его... лично... упакую и доставлю. Сечёшь?

Сознание мигнуло и погасло. Меня опять вырубил на непонятное количество времени.

Третий раз приходил в себя уже медленно. Это было похоже на попытку вылезти из чана с мазутом – тяжело, липко,

противно. Боль в груди никуда не делась, она просто затаилась, пульсируя в ритме сердца.

Я слышал голоса. Тимофей говорил с двумя мужчинами. Очень тихо, по-заговорщицки. Ему отвечали.

Один голос – чистый, русский, принадлежал Сергею Петровичу. Тому интеллигентному доктору, который оказался в должниках у Горелова. Второй – имел характерный, рубленый акцент, который не спутаешь ни с чем. Китаец.

Меня аккуратно ворочали. Тело отзывалось на каждое движение тупой болью. Чем-то мазали – вонючим, холодным. Бинтовали сноровисто и туго. Поили. Иногда это была простая вода, иногда – наваристый бульон. Но чаще – невыносимо горькие травяные отвары. Я глотал их через силу только потому, что не имел возможности оттолкнуть чашку.

Картинки перед глазами менялись, как в калейдоскопе. Мое настоящее прошлое, детство и юность Арсеньева, заснеженный Харбин, кровь на полу типографии... Всё смешалось.

Иногда я снова слышал девичий голос. Голос ангела. Она напевала свои странные песни и о чем-то говорила со мной. Тоже на китайском.

Ну, в принципе, все ок. Китайский ангел не может болтать, к примеру, на французском. Или... может? Ангел же.

В очередное пробуждение картинка наконец обрела четкость. В комнате было светло. Солнце пробивалось сквозь мутные квадратики оконного стекла, высвечивая пылинки,

лениво танцующие в густом воздухе.

Я прислушался к ощущениям. Лежу не на койке, не на топчане. Под спиной – сухое, обволакивающее тепло.

Кан... Это слово вдруг всплыло в голове само собой. Тут же пришло понимание – «каном» называют широкую кирпичную лежанку, застеленную тонкими циновками. В Маньчжурии это одновременно и кровать, и печь. Подогрев идет прямо от дымохода.

Охренеть можно. Откуда вообще это знаю?! Может, слышал в беспамятстве? Князь вряд ли был знаком с подобной конструкцией. А уж я сам – подавно.

Медленно втянул носом воздух. Странный аромат. Смешались резкие ноты камфоры, горьковатый дух жженой полыни и сладковатый аромат сушеных корней.

– Жар спал, – раздался вдруг голос Сергея Петровича. – За три дня! Это чудо какое-то. Мастер Шэнь, вы просто волшебник. Удивительно, что после ранения и штокки на скорую руку, у князя не начался сепсис. Ваша мазь творит невозможное. Рана выглядит так, будто прошла неделя, не меньше. Она затягивается прямо на глазах!

– Благодарите Манью, друг мой, – ответил китаец. – Это всё её заслуга. И её снадобья. Три дня моя внучка не отходила от вашего князя.

Я медленно, стараясь не тревожить бок, скосил глаза в сторону.

Слева возвышалась «стена тысячи ящичков» – огромный

аптечный шкаф байцзыгуй. Темное дерево, засаленные медные ручки и бесконечные колонны иероглифов.

В следующую секунду до меня дошло. Я только что мысленно дал определение еще одному явлению китайской жизни. Нет, сто процентов это не чудеса и не волшебство. Наверное, пока валялся без чувств, в моём присутствии кто-то говорил все эти дурацкие слова.

Осторожно повернул голову в другую сторону. Возле низкого столика, стоявшего прямо на кане, сидели двое.

Первый – китаец. Похоже, тот самый Мастер Шэнь. Он выглядел как ожившая мумия. Глубокие морщины, редкая седая бородка. Шэнь методично стучал пестиком в каменной ступке, растирая какой-то порошок. Рядом, поджав ноги по-турецки, устроился доктор.

– У вас талантливая внучка, мастер, – продолжил Сергей Петрович. – Почему вы упрямитесь? Позвольте обучить её европейской хирургии. Она ассистировала великолепно – ни разу не вздрогнула. У девочки рука хирурга и железные нервы.

– Не женское это дело, – отрезал китаец, ритмичный стук пестика на мгновение оборвался. – Одно то, что я позволил ей ухаживать за чужим мужчиной, – уже пятно на нашей семье. По конфуцианским канонам женщина не должна касаться постороннего, даже чтобы спасти ему жизнь. Тем более – «фан-гуя», иностранца.

Шэнь тяжело посмотрел на доктора.

– Я стар, доктор Петрович. Традиции – это единственная опора, которая защищает мой дом от хаоса. В Харбине Манью считают порядочной девушкой. Но если поползут слухи, что она провела три ночи у постели русского офицера, а потом и вовсе начала резать людей, как мясник... Ни одна достойная семья не возьмет её в жены. Тень позора ляжет на голову Манью навсегда. Никакие ваши знания не отмоют это пятно. Хирургия – ремесло для цирюльников и коновалов. Моя внучка должна быть матерью семейства.

– Вы слишком старомодны, мастер Шэнь. Мир вокруг нас горит, империи рушатся, старые правила рассыпаются в прах.

– Мир может гореть и рушиться сколько угодно, – философски заметил китаец, возвращаясь к своей ступке. – Но пока человек соблюдает традиции и чтит предков, он остается человеком. Как только отворачивается от канонов – превращается в дикую собаку.

Китаец поднял на доктора тяжелый взгляд.

– Думаю, через пару дней вы заберете своего друга. Здесь ему оставаться нельзя. Моя лавка – не крепость. Опасно для всех. Для него, для меня, для Манью. Не разглашайте тайну нашей дружбы, доктор.

Рука китайца снова не мгновение зависла.

– Проснулся, – констатировал он, даже не глянув в мою сторону.

Доктор тут же повернулся. Его лицо, осунувшееся и блед-

ное, с пожелтевшим синяком, выражало смесь крайнего облегчения и профессионального азарта.

– Ну наконец-то! Радость какая! Павел Александрович, не делайте резких движений.

Сергей Петрович, прямо на коленях, подполз ко мне.

Я попытался что-то сказать, но горло словно засыпали сухим песком. Вышел только невнятный хрип.

Доктор осторожно прикоснулся к моему боку, проверяя повязки.

– Вам невероятно повезло, князь. Пуля из этого «дамского» деринджера... мягкий свинец, калибр сорок первый. Страшная штука на самом деле. Она ударилась в одиннадцатое ребро, раздробила его и ушла вниз, в брюшную полость. Если бы двигалась по прямой – вы бы не дожили даже до этой аптеки. Но ребро самортизировало удар. Тем не менее, повреждения были критические. Гематома в брыжейке, задето две петли кишечника. Я шил вас три часа.

Сергей Петрович оглянулся, посмотрел на мастера Шэня, который продолжал методично долбить по своей ступке.

– Если бы не снадобья... Я хирург, верю в скальпель и антисептику, но то, чем они промывали рану – серебряная вода, настой каких-то грибков и полыни... Это за гранью моего понимания. У вас не просто нет сепсиса – края раны начали стягиваться на вторые сутки. Это буквально воскрешение. Лихорадка была очень сильной. Мы боялись – мозг не выдержит. Но вот он вы! Лежите и смотрите на меня ясным

взглядом!

Откуда-то снизу донесся звон колокольчика, затем – тяжелые, уверенные шаги и знакомый бас.

– Мастер Шэнь! Эй мастер! – громкий голос Тимофея приближался, – Вы где? Принес всё по списку, что отметили. Свежие бинты, бульон из молодой телятины... Всё чин по чину, высшего качества.

– Иди сюда, воин, – ответил китаец, отставляя ступку. – Шумишь, как лавина в горах.

Бумажная дверь мягко поехала в пазах, в комнату протиснулся вахмистр. Вид у него был такой, будто он прорывался из окружения и три ночи не выпускал из рук шашку. Щеки ввалились, глаза красные, как у кролика-альбиноса.

Тимоха увидел, что я смотрю на него и замер на пороге. Его руки, сжимавшие бумажный пакет, мелко задрожали.

– Ваше сиятельство! Слава тебе, Господи! Услышал-таки мои молитвы! Простите, Пал Саньч... – Тимоха покачал головой. – Не уберег.

– Перестань... – выдавил я, – Пить дай. И не скули.

Тимофей подскочил к кану. Поставил пакет, засуетился.

На небольшом плетеном столике нашелся кувшин с водой. Вахмистр осторожно приподнял мою голову, начал тихонько вливать влагу.

Холодная вода оказалась неимоверно вкусной.

Я сделал несколько глотков и снова откинулся на подушку. Мысли в голове всё еще плавали.

– Рассказывай, – приказал Тимофею, когда дыхание немного выровнялось. – Что в эшелоне? Как обстановка в городе?

Казак пристроился с краешку. Чтоб не мешать. Доктор и китаец просто сидели молча.

– В эшелоне, ваше сиятельство, режим особой важности, – тихо начал Тимофей. – Только наш ближний круг знает правду. Петр Селиванов, Василий Прокин, генерал Корф. Ну и те, кто были с нами ночью. Для остальных вы заняты важными делами. Я рассудил, ни к чему слухи о вашем ранении. А так – дисциплина железная.

Я слабо кивнул. Молодцы. Информационный вакуум в такой ситуации – верное решение.

– А в городе что слышно?

– А город, Павел Александрович, гудит как потревоженный улей. Вспышки эти ваши, гранаты светошумовые... Знаете, что сейчас в чайных на Пристанях шепчут?

Вахмистр наклонился ближе.

– Когда наш грузинский князь устроил представление за дверями, бандиты решили, их дело совсем плохо. Мы ушли, они, как крысы, в разные стороны побежали. И слух понесли. Мол появился новый господин. Князь. Мощный, дерзкий, с целой армией за спиной. Китайские военные теперь в полной уверенности, что вы – тайный эмиссар японской разведки, присланный навести порядок среди русских. Дескать, у вас с Квантунской армией договор железный. А японцы... – Ти-

мофей коротко хохотнул. – Японцы уверены ровно в обратном! Они думают, что вы – личный протеже маршала Чжан Цзолиня, присланный из Мукдена, чтобы подмять под себя русские активы и вышвырнуть разбойничьи рожи бывших русских офицеров. В общем, народец уверенно бает – князь Арсеньев серьёзный человек. С ним лучше не связываться. Больно велика сила за его спиной.

Я закрыл глаза, переваривая эту феерическую кашу. Вышло даже лучше чем рассчитывал. Неожиданно.

– Пока все, кто в этом городе власть имеют, не хотят вредить вам, – продолжал Тимофей. – Присматриваются. Ждут. Так рассудили – ежли вы явились к Горелову, но в живых оставили, значит опасаться вам нечего. Вот теперь все и за-таились. Смотрят, что дальше будет. Боятся выбрать не ту сторону.

– А сам Горелов?

– Жив, – поморщился Тимофей. – Людишки-то его разбежались. И не только те, что были в типографии. Убей вы эту лярву, он бы героем помер. А так... Мордой в грязи повозили. Вчера пятеро к нам явились из его кодлы. Хотят князю Арсеньеву служить. Я им ответа не дал. Сказал, как его сиятельство освободиться, свое слово скажет.

Я почувствовал, как по телу разливается странное, почти физическое удовлетворение. Вылазка в типографию дала самое дорогое – время. Пока китайцы и японцы будут гадать, на кого князь Арсеньев работает или кто работает на него,

успею пустить корни и обзавестись реальными связями.

– Молодец, Тимоха... – прошептал я, – И Михаил...молодец.

– Все благодаря вам, Пал Саныч. Вы главное отдыхайте. Шэнь говорит – еще пара дней, и можно будет аккуратно перевозить вас.

Доктор Сергей Петрович снова подполз ко мне, ненавязчиво оттеснил Тимофея.

– Вахмистр, хватит уже утомлять князя. Ему нужен отдых.

Я закрыл глаза. Мир снова начал тускнеть, превращаясь в мягкое серое марево. Но теперь мне снился Харбин – не тот грязный и холодный, что за окном, а мой собственный. Город, в котором я создам свою империю.

Глава 4

Я проснулся от тишины.

Просто в какой-то момент осознал, что больше не сплю. Открыл глаза, уставился в низкий потолок. Те же темные балки, те же пучки сушеных трав и сморщенные тушки змей, мерно покачивающиеся на сквозняке. Натуральное логово алхимика.

Спиной я чувствовал сухое, уже привычное тепло кана. Тимофея в комнате не было. Никого не было.

Я прислушался. За тонкой перегородкой из рисовой бумаги, там, где располагалось основное помещение аптеки, кто-то негромко переставлял склянки и ходил туда-сюда. Судя по характерному шарканью – мастер Шэнь.

Сколько я проспал на этот раз? Серый свет в мутном окне кажется плотным и застоявшимся. Значит, дело идет к вечеру.

Тело ломило, бок ныл, но уже значительно меньше. Ощущения скорее напоминали тягучую, тяжелую ломоту. Терпимо.

Мысли больше не плавали в киселе. Они стали ясными, четкими. Но тревожными.

Железо надо ковать, пока горячо, а в моем случае – пока Харбин еще переваривает появление князя Арсеньева в типографии. Сейчас по городу ползут слухи о моих связях

то ли с японцами, то ли с китайскими генералами. Это хорошо. Чем меньше люди знают правды, тем легче их убедить в информации, которая мне нужна. Однако разговоры имеют свойство затихать, если не подпитывать действием.

И что там, на Восьмой ветке, интересно? Селиванов – мужик толковый, однако он – исполнитель, не головной мозг. Тимоха – вообще грубая сила. Без моего чуткого руководства община быстро превратится в табор.

Кстати, не мешает выяснить, как я вообще здесь оказался? Последнее, что помню – перекошенное лицо Тимофея и свое падение на пол типографии.

В общем, хватит. Залежался. Пора брать ситуацию под контроль. Дел – конь не валялся.

Нужно организовывать переезд на лесопилку. Нужно укреплять свой авторитет. Но что самое главное – нужно хорошенько продумать, как зарабатывать деньги. Это, пожалуй, самый насущный вопрос. Запасы бандитского «общака», волей случая добытого в поезде, подходят к концу, как и остаток денег за диадему.

Я медленно, миллиметр за миллиметром, начал перемещать вес к краю кирпичной лежанки. Грудь тут же заныла, в глазах на мгновение потемнело.

Замер, вцепившись пальцами в грубую циновку, которой был застелен кан. Подождал, пока мир перестанет раскачиваться, как палуба в шторм.

Еще немного вперед. Ползем, не останавливаемся.

Добрался до края «постели», спустил ноги с теплого кирпича на холодный пол. Стены лавки предательски поплыли вправо, но я упорно держал спину прямо.

По крайней мере, смог сесть – уже хорошо. Сам. Без посторонней помощи. Это – победа.

За перегородкой слышались шаги. Лёгкие, быстрые, почти невесомые – совсем не похожие на тяжёлую, медвежью поступь Тимофея или на шарканье мастера Шэня. Кто-то другой. Непонятный.

Я осторожно лёг обратно на циновку, решил пока не выдавать своего пробуждения. Посмотрю, кто припёрся.

Дверь с тихим шорохом отъехала в сторону. На пороге стояла девушка.

Я смотрел на нее сквозь прикрытые веки и, честно говоря, думал, что у меня снова начались галлюцинации.

Это была та самая особа, которая являлась в огненной горячке. Только теперь без ангельского свечения вокруг головы. Значит, всё-таки свет. Он тогда падал настолько причудливо, что я принял девицу за небесного посланника.

А вот красота ее никуда не делась.

Чёрные волосы собраны в строгую причёску. Черты лица – идеальные. Нос аккуратный, прямой, скулы – высокие. Кожа... Белая, почти прозрачная. Тонкие брови вразлет, пухлые губы плотно сжаты. Чертовски хороша. Это факт.

Сегодня девушка была одета в обычный стёганный халат глубокого синего цвета. Такие носят почти все китаянки в

Харбине.

Черт! Это реально она! Та, чей голос я слышал в беспмятстве, когда он напевал мне тягучие, непонятные мотивы.

Девушка вошла в комнату, даже не глянув в мою сторону. Двигалась незнакомка с удивительной грацией. Как там в книжках пишут? Лебединая статья? Ну вот – оно самое.

Маню... Старый аптекарь вроде бы упоминал внучку. И называл имя. Так понимаю, речь шла как раз о моем «ангеле».

Китайка взяла с полки небольшую лакированную коробочку. На ходу, почти не глядя, оторвала несколько листочков от висящих под балками травяных пучков. Движения точные, выверенные до миллиметра – так работают старые мастера на заводах или хирурги.

Я продолжал следить за ней сквозь прищуренные веки.

Маню поставила коробочку на низкий столик, взяла тяжёлую каменную ступку, засыпала туда травы, принялась толочь их. Размеренно. Сосредоточенно.

При этом тихо напевала себе под нос очередную мелодию. То ли колыбельная, то ли древнее заклинание для вызова дождя – чёрт её разберёт.

Я смотрел, на тонкие девичьи запястья. Наблюдал, как она склоняет голову к плечу, как падает на лоб упрямая прядь волос, выбившаяся из причёски. Мысль о том, что всё это реально, наполняла меня странным, почти забытым чувством покоя.

Девушка зажгла маленькую горелку, поставила на неё специальный сосуд, добавила к жидкости содержимое ступки. По комнате тут же поплыл густой, терпкий аромат – травяной, с отчётливой ноткой хвои и чего-то едкого, лекарственного. Помешала варево деревянной палочкой, подождала, снова помешала. Затем переложила готовую субстанцию в небольшую пиалу.

Всё это время она ни разу не глянула в мою сторону. Для неё я был просто объектом, деталью интерьера.

Наконец Манью развернулась. И посмотрела. В упор. Пристально. С едва уловимой усмешкой, которая совершенно не вязалась с образом смиренной азиатской девы.

Взгляд умный, цепкий, с пляшущими в самой глубине бесенятами. Ни тени смущения. Полное отсутствие робости перед «сиятельным» титулом.

Ангел? Да ну на фиг. Девица скорее маленькая лисица-оборотень из легенд. Или лисицы – это к японцам?

– Ну что, князь, насмотрелись? – спросила вдруг Манью.

Меня поразила ее чистейший русский язык. Без карикатурного акцента, которым грешат все китайцы. Я даже растерялся на секунду.

Манью подошла ближе.

– Не ожидали, что китайка будет лечить вас? Или что она умеет говорить на вашем языке?

– Ну... можно и так сказать, – выдавил я. Мой собственный голос после трёх дней молчания казался чужим, над-

треснутым. – Откуда у вас идеальный русский?

Девушка усмехнулась, присела на край кана.

– Мои родители много лет служили в доме русского чиновника КВЖД, в самом центре Нового города. Отец был управляющим, мать вела хозяйство. Они хотели, чтобы я получила образование, чтобы знала мир за пределами нашей аптеки. Я росла среди русских книг и русских господ... – взгляд Манью на мгновение потускнел, в нём промелькнула тень старой боли. – Но пять лет назад в городе вспыхнула чума. Родители сторели за несколько дней. Даже дедуля не смог помочь. Русские господа уехали, спасаясь от заразы. Я перебралась в аптеку. Решила изучить все, что знает мастер Шэнь. Хочу помогать людям. Лечить их. Чтоб больше никто не умер. Но... Приходится делать это украдкой. Тайком.

Она тряхнула головой, прогоняя воспоминания, и снова посмотрела на меня с тем же вызовом.

– Дед говорит, женские руки лучше чувствуют потоки Ци, лучше латают дыры в ауре. Поэтому он позволил мне за вами ухаживать. Хотя в нашем квартале за такое могут и камнями закидать – не принято девушке касаться чужого мужчины, да ещё «белого черта».

– А вы всегда делаете только то, что принято? – спросил я, продолжая разглядывать девицу.

Она приподняла бровь. В ее глазах сверкнуло что-то острое, опасное.

– А вы всегда задаёте бестактные вопросы тем, кто помог

вам не отправиться на встречу с предками раньше срока?

Я не нашёлся с ответом. Уела, что и говорить.

– Давайте помогу сесть. Надо поменять повязки. Рана затягивается быстро, дед говорит – у вас кровь как у молодого тигра.

Действовала девица профессионально. Без лишних сантиментов приподняла меня, подпихнула под спину валик, набитый какой-то соломой. Пальцы тёплые, сухие. Движения быстрые, точные.

Когда начала разматывать бинты, я невольно поморщился – кожу тянуло.

– Терпите, князь. Вы ведь герой... Значит, и перевязку переживёте.

– Смотрю, вы в курсе всех моих подвигов, – пробормотал я.

– Тут сложно оставаться в неведении, – она принялась осторожно обрабатывать рану. – Ваш Тимофей три дня сидел здесь, как каменный истукан. Он рассказал мне всё – от вашего рождения до последнего выстрела. Кажется, этот человек считает вас святым мучеником.

Я тихо хмыкнул. Могу представить, как за эти дни девушке осточертело слушать про князя Арсеньева.

– Значит, это и есть кан? – спросил, похлопав рукой по тёплому кирпичу лежанки. Чтоб поддержать разговор, – А вон тот огромный шкаф с кучей ящиков... это байцзыгуй, верно?

Манью замерла с бинтом в руках, а потом вдруг звонко, по-детски рассмеялась.

– О, значит, вы всё слышали. Ваш доктор, Сергей Петрович... – Она снова хихикнула, – Он ведь очень... увлечённый человек. Пытался за мной ухаживать. Но из-за своей робости не нашёл ничего лучше, чем засыпать меня вопросами о каждом предмете в комнате. Делал вид, будто хочет выучить китайский. «Манью, а как называется этот ящичек?», «Манью, а как называется эта печка?». Потом еще бегал за мной со своим блокнотиком, записывал названия трав... Видимо, эти уроки отложились в вашей голове.

Я улыбнулся. Представил эту картину. Бедный доктор, пытающийся соблазнить китайскую красавицу через изучение предметов в аптеке. Мощно.

– Скажите, Манью... Как я вообще здесь оказался? Помню только снег и лицо Тимофея.

Девушка вздохнула. Ее пальцы продолжали наносить мазь рану.

– Это была необычная ночь, князь. Мы уже собирались спать, когда в дверь так ударили, что едва не рухнул весь дом. Дед вытащил винтовку. Думал, хунхузы пожаловали. Но вломился ваш Тимофей. Он выглядел как настоящий демон. Весь в крови, глаза безумные, на руках – вы. Рядом сустились ещё люди. Доктор и двое мужчин. Имён я не знаю. Тимофей не стал ждать приглашения. Он снёс деда с пути, положил вас прямо на главный прилавок аптеки, среди весов

и скляннок.

Манью на секунду прервалась, туго затягивая чистый бинт.

– А потом этот суровый воин выхватил свой огромный пистолет, приставил его к виску дедушки Шэня и велел срочно спасти вас. Обещал убить нас всех, если мы ничего не сделаем. Сергей Петрович вовремя вмешался. Объяснил, что произошло. Он часто покупает у нас редкие ингредиенты. Доктор убедил деда, что вы хороший человек и что спасение вашей жизни – это важно.

Манью закончила работу, подняла на ноги. Окинула меня оценивающим взглядом.

– Тимофей – слишком резкий для воина, – сделала она вывод относительно вахмистра, – В нем нет покоя. Совсем. Нет мудрости. Торопится все время.

– Спасибо, – сказал я, глядя девушке прямо в глаза. – За помощь спасибо.

– Не за что... – Манью замаялась, а потом снова сверкнула глазами. – Знаете, как переводится моё имя на ваш язык? Цветок смерти. Так что не обольщайтесь, князь. Я совсем не такая добрая и хорошая, как вам может показаться. Если кто-то обидит дедушку Шэня или меня – без сомнения подсыплю в чай то, от чего не спасёт ни один доктор. Просто помните об этом, пока находитесь в нашем доме.

– Хорошо, – усмехнулся я. – Буду вести себя тише воды, ниже травы.

– Вот и правильно, – кивнула Манью, – Отдыхайте. Скоро принесу настойку на змеином корне. После неё вам станет еще лучше.

Девушка подхватила пиалу, бросила на меня последний, загадочный взгляд и бесшумно выскользнула из комнаты.

Я откинулся на подушку, уставился в тёмный потолок. Потупил пару минут, а потом закрыл глаза. Однако образ Манью упорно не покидал мое сознание. Странно, но, похоже, эта девушка меня зацепила. Давно не испытывал такого интереса к женщине. Есть в ней что-то особенное. Это факт.

Следующие несколько часов я провалялся без сна, ворочаясь с боку на бок. Манью приходила ещё раз, покормила бульоном, напоила водой. Мастер Шэнь тоже навещал. Проверил мое состояние, сунул какую-то хрень мне в рот и велел жевать. Хрень выглядела подозрительно, но я послушно выполнил указания мастера.

Все это время я продолжал думать о своем эшелоне, о лесопилке, о дальнейших действиях.

К вечеру созрело окончательное решение. Встану сегодня. Прямо сейчас. Хватит валяться. Надо возвращаться в общину.

Стоило мне сползти с кана, дверь отъехала в сторону, на пороге появилась Манью. В руках – знакомый глиняный горшочек с отваром, на лице – удивление, смешанное с легким раздражением.

Нет, она однозначно не похожа на других азиатских жен-

щин. Слишком своевольная, характерная. Очень сомневаюсь, что мечты мастера Шэня о замужестве внучки воплотятся. С таким гонором ее ни один китаец в жены ее возьмет.

– Вы куда собрались, князь? – спросила девушка без предисловий. Голос спокойный, но в глазах уже загорелись опасные искорки.

– Домой, – ответил я, пытаюсь разыскать свои сапоги и остальную одежду. – У меня дела. Важные.

Конкретно в данный момент на мне была какая-то непонятная рубаха и штаны. Все это напоминало нательное белье. Видимо, шмотки принадлежат Шэню.

– Какие дела? – Манью подошла ближе, поставила горшочек на стол. – Вы три дня метались в лихорадке. С ума сошли?

– Ой, перестаньте, – ответил я. – Была лихорадка. Теперь нет лихорадки. Все отлично. Ценю вашу помощь. Честное слово. Во век не забуду. Но мне надо ехать и это не обсуждается.

– Это ещё как обсуждается! – Манью замерла прямо передо мной, скрестив руки на груди. – Будет очень глупо если вы умрете из-за своего упрямства после того, как вернулись с того света. Дед сказал – минимум еще два дня лежать. И точка.

– Ваш дед – замечательный травник, – процедил я, раздражаясь от того, что моей одежды нигде не было видно. – Но я вполне взрослый человек, чтобы самому решить, куда,

когда и через сколько могу ехать.

– Ах так!?! – Манью тоже плющило и колбасило от злости. Она даже покраснела. Весьма привлекательно покраснела, надо признать. – Тогда, князь, не смею вас задерживать. Идите. Посмотрим, как у вас это получится.

Я попытался встать. Мир перед глазами качнулся, поплыл и я плюхнулся обратно на задницу.

– Ах, что такое? – наглая девица насмешливо изогнула бровь. – Вы уже передумали?

– Нет, – выдавил я упрямо. – Просто... ноги немного затекли.

Эта барышня начала меня изрядно бесить. Вместо того, чтоб помочь подняться, стоит и глумится.

– Затекли, – фыркнула она. – А может просто ваше тело не готово к очередным подвигам?

– Готово, – буркнул я.

Злость начала перевешивать слабость. Вот сейчас точно встану.

Манью сверлила меня гневным взглядом. В комнате повисла напряжённая тишина.

– Вы упрямый и невыносимый, – сказала она, наконец. – А знаете, что? Поступайте, как считаете нужным. Мне все равно. Даже если выйдете, упадёте прямо за порогом и умрёте. Ваше дело!

Девушка крутанулась на месте и выскочила из комнаты.

Только дверь за ней закрылась, вдалеке послышался звон

колокольчика а потом – громкий голос вахмистра. Вот черт. Сейчас у Манью появится поддержка в лице Тимохи.

Собственно говоря, так и вышло. Буквально через минуту в комнату влетел встревоженный Тимофей. А с ним – целая делегация. Старый Шэнь, запыхавшийся Сергей Петрович и, конечно же, донельзя довольная девица. Видимо, уже успела настучать о плохом поведении пациента.

– Пал Саныч! – Тимоха подскочил ко мне, – Вы чего? Куда собрались?! Нельзя ехать! Вам лежать надо!

Сергей Петрович подошёл ближе, взял меня за запястье, посчитал пульс, покачал головой. Лицо у него было озабоченное, но не испуганное. Видимо, я уже точно не при смерти.

– Князь, – сказал он, убирая руку, – Если сейчас уедете, рана может открыться.

– Ваш воин и доктор правы, – подал голос мастер Шэнь. Он стоял в углу, смотрел на меня с выражением абсолютного пофигизма. Как человек, давным-давно словивший дзен, – Нельзя ехать. Ещё два дня покоя необходимы.

– Нет этих дней, – ответил я категорично. – Спасибо вам за всё, мастер. Правда. Но я должен ехать.

Шэнь подумал пару секунд, потом едва заметно кивнул. Все с тем же флегматичным видом.

Какой умный человек. Сразу видно, на опыте. Не стал тратить время на ругань или попытки переубедить меня. Понял, я все равно уйду. Сейчас.

Манью, стоявшая всё это время у двери, шагнула вперёд. В её глазах полыхал настоящий огонь. Однако дед остановил внучку жестом. Сказал пару фраз на китайском – быстро, резко. Девушка ему ответила. Тоже коротко. В её голосе отчетливо звучал гнев. Потом зыркнула на меня и демонстративно отвернулась.

– Манью будет привозить мазь и отвар каждый день, – сообщил травник, – Пока рана полностью не заживёт. Она сердится на вас. У неё характер скверный, не женский. Не принимайте близко к сердцу некоторые поступки моей внучки.

– Договорились, – кивнул я. – Спасибо, мастер. Сколько я вам должен за всё?

Шэнь почесал подбородок, прищурился.

– Двадцать иен хватит. За всё.

Я посмотрел на Тимофея. Тот уже рылся в карманах.

– С собой столько нету, ваша светлость, – виновато развёл руками. – Торопился.

– Так вернись в эшелон, возьми денег и шубу моюхвати с нормальными вещами.

– Слушаюсь. – Тимофей рванул к выходу из комнаты. Чуть не снес злую девицу.

Я удовлетворённо выдохнул. Ну вот. Теперь хорошо. Дождусь вахмистра и поеду решать насущные вопросы. Жизнь снова налаживается.

Глава 5

Тимофей быстро метнулся на Восьмую ветку, притащил мне чистую одежду. Как оказалось за эти три дня костюм сына Шаховской успел перекочевать в эшелон, где его благополучно привели в порядок. Постирали и зашили. Кроме того, вахмистр прихватил с собой шубу и денег, чтоб расплатиться с Шэнем.

Естественно, я отдал больше той суммы, что обозначил старый травник. Так как она была откровенно смешной. Двадцать йен за три дня лечения, проживания и кормежки, пусть даже одним бульоном, – такой счет могут выставить только по очень большому благу. И то, если не считать риски для мастера и его внушки.

Так-то старик прав. За помощь иностранцу его по головке могут не погладить. А могут даже и наступать. Тоже по головке.

Шэнь, конечно, отнекивался и отпихивался, когда я пытался всучить ему сто йен. Даже изображал некоторую обиду. А вот Манью заниматься подобной ерундой не стала. Молча подошла, забрала купюры, которые мы с Шэнем упорно совали друг другу в руки, и с видом королевы в изгнании покинула комнату.

Как только вся эта суета закончилась, Тимоха вывел меня из аптеки.

Морозный воздух ударил в лицо. От этого резкого холода в груди мгновенно закололо. Дыхание перехватило. Я пошатнулся.

Тимофей тут же мертвой хваткой вцепился в мой локоть. Он буквально вволок меня в нутро тяжелых извозничьих саней, накрытых плотным кожаным верхом.

Вообще, я как бы мог идти сам. Хреновенько, маленькими шажочками, но все же. Однако вахмистр и слышать ничего не хотел о моей самостоятельности.

Выбор транспорта, кстати, был очень правильным. Тимоха молодец, сообразил. На открытой пролетке меня, скорее всего, могло просквозить. Организм еще слаб. Хапнет простуду и пищи пропало. Сейчас только пневмонию не хватает заполучить.

Кроме того, лучше пока не светить моей бледной физиономией на улицах. Она испортит образ загадочного, но имеющего связи князя. Слухи, как оказывается, распространяются по Харбину со скоростью пожара. Крытый верх дает хотя бы иллюзию приватности. Позволит вернуться на Восьмую ветку незамеченными.

Тимофей практически уложил меня на узкое сиденье. Поправил края шубы.

– Ну и характер у этой барышни, – пробормотал он, запрыгивая следом. – Я-то думал, китайские девицы тихие да покладистые. А эта смотрит – будто вот-вот кинжал прямо в сердце вонзит. Бр-р-р... – Казак передернул плечами, –

Опасная дамочка. Будьте с ней осторожнее, ваше сиятельство. Вы молодой, женскую породу еще не знаете...

Я выразительно хмыкнул, но промолчал. Эх, Тимоха, Тимоха... Женскую породу как раз очень хорошо понимаю. Давно в ней разобрался. Потому в прошлой жизни до пятидесяти восьми лет дожил холостяком. Короткие связи – да. Секс – конечно! А вот в остальном...

Ну его к черту, эти нервы. А бабы по-другому, без нервов, просто не умеют. Дорогое это удовольствие, быть женатым. Во всех смыслах.

Сани дернулись, полозья скрипнули по обледенелой колее. Мы тронулись, наконец, с места.

Улица в Модягоу была под стать своей репутации – узкая, кривая и бесконечно мрачная. Извозчик лавировал между низкими, покосившимися заборами и глухими стенами фанз, традиционных китайских домов, сложенных из самана.

В щели кожаного верха я видел редкие тусклые пятна керосиновых фонарей, едва разгонявших густую тьму. Район словно вымер, дожидаясь рассвета. Не особо приветливое местечко.

Минут через двадцать мы въехали на Восьмую ветку. Тяжелые извозничьи сани замерли у самого тупика, где в морозной дымке виднелись темные силуэты наших теплушек.

Тимофей прыгнул первым, подал мне руку. Я шагнул на припорошенный снегом колючий шлак – и едва не рухнул.

Ноги превратились в вату, тело слушалось плохо.

– Павел Саныч! – вахмистр поддержал меня, не давая позорно осесть в грязь. – Осторожнее. Не торопитесь.

Со стороны вагонов к нам уже бежали люди. Кто-то вскинул фонарь, полоснув резким желтым светом по глазам.

– Князь! Вернулся!

– Слава Богу... Смотрите, бледный какой, чисто мертвец.

Петр Селиванов вынырнул откуда-то сбоку. В два прыжка оказался рядом. Взгляд приказчика – быстрый, цепкий – мгновенно зафиксировал и мою неверную походку, и то, как осторожно я прижимаю левую руку к боку.

– Ваше сиятельство! – голос Петра звучал взволновано, – Да что ж вы... Надо было еще отлежаться. – Его взгляд переместился на вахмистра, – Тимофей, ты то как позволил?!

– Ага. Ты поди, попробуй его отговорить, – отрезал вахмистр, перехватывая меня поудобнее. – Павел Саныч если что решил, будет стоять на своём. Сказал – едем обратно, к эшелону, и все тут.

Мы двинулись к теплушкам. Толпа расступалась передо мной, как море перед одним известным библейским персонажем.

Словно из ниоткуда, прямо на пути, появилась княгиня Шаховская. В своем неизменном тулупе поверх помятого платья, с лицом, которое казалось высеченным из серого карельского мрамора.

– Мы вас ждали, Павел Александрович, – произнесла она

своим ровным, бархатным голосом, – Я, признаться, изволила волноваться. Тимофей уверял, будто вы чрезвычайно заняты важными делами, но... Мне сразу показалось, наш вахмистр лжет. Случилось нечто скверное, не так ли?

Я попытался выдавить подобие улыбки, но вышел, скорее, болезненный оскал.

– Всего лишь... производственная травма, Вера Николаевна. Не стоит ваших переживаний.

Чуть поодаль стоял генерал Корф. Вытянувшись в струнку, заложив руки за спину. Он не задавал вопросов, только молча кивнул в знак приветствия.

Тут же, среди толпы встречающих, я увидел Прокина и его супругу. Анастасия жалась к мужу, но ее глаза смотрели на меня с невысказанной благодарностью. Она видела во мне человека, который вернул ее детей.

Когда подошли к штабному вагону, в дверном проеме показался Никита Щербатов. Мальчишка не бросился мне навстречу. Просто стоял и смотрел немигающим, отнюдь не детским взглядом. Но там, в этом взгляде, я увидел облегчение. Пацан явно переживал за мое здоровье.

С помощью Тимофея у меня даже с первого раза получилось залезть в теплушку. Вахмистр тут же всех выпроводил. Заявил, что «сиятельству» надо отдыхать. Народец, тихо переговариваясь, рассосался по своим делам.

Тимофей уложил меня на нары, прикрыл шубой.

– Всё завтра, – пробормотал я. Сознание, устав держаться

за реальность, начало медленно уплывать в серый туман. –
Всё... завтра.

Проснулся от тревожного ощущения. Чужой взгляд внимательно изучал мое лицо. Даже не открывая глаз, я почувствовал это пристальное внимание. Холодное любопытство исследователя, препарирующего редкий вид насекомого.

Завозился, откинул шубу, посмотрел в сторону, откуда пришло это чувство постороннего присутствия.

У моих нар сидела Манью. На какой-то, непонятно откуда взявшейся, табуретке. Возле ее ног стоял плетеный короб.

Я молча уставился на девицу. Заодно прислушивался к звукам, которые доносились с улицы. Хотел понять, сколько проспал и что сейчас за время суток.

За стенами вагона слышался ритмичный стук топора – кто-то уже колот дрова для кухни. Он смешивался с резкими окриками дозорных, детским плачем, короткими распоряжениями Селиванова. Похоже, утро давно наступило.

Около минуты мы с Манью просто пялились друг на друга.

– Доброе утро, князь, – произнесла она, наконец, с легкой, едва заметной усмешкой, не меняя позы. – Надеюсь, не слишком грубо выдернула вас из объятий сна.

– Надейтесь, – великодушно разрешил я, – Надежда – неплохое чувство. Признаться, не ожидал увидеть вас... эм... так скоро.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, припод-

нялся на локте. Затем тихонечко подполз вверх и принял сидячее положение. Рана тут же отозвалась ноющей болью.

Девушка склонила голову набок, прядь иссиня-черных волос скользнула по её плечу.

– Мастер Шэнь хотел, чтобы я привезла мазь и настойки как можно скорее, – она кивнула на короб. – Дед говорит, русские офицеры слишком любят играть в бессмертных героев. Совершенно не умеют лечиться. К тому же ваш человек, этот огромный, громкий Тимофей, на рассвете едва не выломал нам дверь. Ему показалось, что вы спите слишком тревожно и выглядите слишком бледным. Просил поторопиться. Проще было собраться и приехать, чем объяснять ему, что ваша бледность – вполне естественное явление.

– Да уж... Тимоха иногда бывает излишне ретив в своей преданности, – пробормотал я.

Девушка поднялась на ноги, подошла вплотную и, не спросив согласия, потянула мою рубаху вверх.

– Вы намекаете, что пора раздеться? – не удержался я от комментария, – Отличное пробуждение. Хотелось бы чтоб каждый день красивые женщины жаждали увидеть мое обнажённое тело.

Она усмехнулась, покачала головой. При этом продолжала настырно стягивать с меня сорочку.

– Я даже не буду обижаться на вашу фривольность, князь. Чего еще ждать от иностранца, который не способен понять наши традиции. Например, что красивым женщинам не при-

нято говорить о мужском обнажённом теле.

Буквально через несколько минут я уже был раздет по пояс и уложен обратно на топчан. Манью принялась разматывать бинты. Её тонкие пальцы двигались быстро, ловко.

Она неопределённо цокнула языком, разглядывая швы, покачала головой. Было не совсем понятно, состояние раны удовлетворяет ее или наоборот – вызывает опасения.

– Неплохо держитесь, – сообщила, наконец, девушка, смазывая края раны густой субстанцией. – Удивительно. Обычно человек после такого ранения еще неделю не может подняться с постели. Да и крови потеряли немало.

– Не скромничайте. Это заслуга мастера Шэня. И ваша.

– Отчасти, – Манью небрежно повела плечом, – Но основной результат все-таки зависел от вас. Организм... удивительно крепкий. Будто ваша душа намертво вцепилась в телесную оболочку и ее теперь ничем оттуда не выбьешь.

Девушка закончила наносить мазь и принялась бинтовать меня заново. У нее с собой были чистые полоски хлопчатобумажной ткани, которые она использовала как бинт.

– Я шла через ваш лагерь, – произнесла Манью негромко, – Здесь очень много людей. Мужчины, женщины, дети... Зачем вам это, князь? Сейчас такие времена... каждый сам за себя. Люди готовы убивать за фунт соевой муки. А вы... тащите за собой этот огромный, неповоротливый хвост из чужих жизней. Зачем брать на себя такую обузу?

Она упорно отводила взгляд и не смотрела мне в глаза.

Это даже как-то странно. Учитывая, насколько у нее вздорный, упрямый, решительный характер.

– Как вам объяснить, Манью... В бизнесе это называется активами. Если у тебя есть только пистолет – ты бандит. Если за твоей спиной стоят люди и пистолет у каждого из них – ты сила. Я не альтруист, поверьте. Просто... предпочитаю выстраивать то, что принесет прибыль и улучшит мою жизнь. А не грабить прохожих в подворотнях.

Манью слушала внимательно, не перебивала. На её лице отражалась сложная гамма чувств – от скепсиса до чего-то, подозрительно похожего на уважение.

– Русские действительно безумны... – задумчиво произнесла девушка, – Вас очень сложно понять.

– Именно поэтому нам здесь самое место, – усмехнулся я. – Кстати... Раз уж вам предстоит являться ко мне по утрам, имейте ввиду, через несколько дней мы переедем на бывшую лесопилку купца Хлынова.

Манью приподняла бровь, фиксируя свежую повязку.

– На лесопилку? Да, знаю ее, конечно. Планируете там жить? Любопытно посмотреть, чем закончится эта затея.

Манью встала, отложила старые бинты в сторону. Затем достала из корзинки глиняную бутылочку, заткнутую пробкой. Налила в кружку темного, почти черного отвара.

– Пейте. Всё. До дна. Настой укрепит силы и утихомирит боль.

Я сделал глоток. Чуть не выплюнул обратно. Конкретно

это пошло было хуже всех предыдущих.

Горькое, вязкое, отдающее сырой землей и старой медью, оно обожгло горло так, что на глазах выступили слезы. Я закашлялся, чувствуя, как по венам разливается странный жар.

– Вам с мастером Шэнем надо подрабатывать в пыточных китайского правительства! – выдавил сквозь попытки вдохнуть воздух. – Вы создаёте такие настойки, от которых глаз лезет на... – Осекся, а потом закончил совсем не так, как хотел изначально, – На лоб. Глаз лезет на лоб. Да.

– В Китае говорят, лекарство, которое не горчит – не лечит, – Ответила девушка с улыбкой. И на этот раз улыбка была вполне приятной, без скрытого подтекста. – Впрочем, завтра, может быть, я добавлю в отвар немного мёда.

Манью поднялась, подхватила свой короб и направилась к двери. У самого выхода остановилась. Обернулась.

– Постарайтесь в ближайшее время не делать глупостей, князь.

Дверь теплушки с грохотом откатилась, впуская внутрь облако морозного пара и шум лагеря, а затем так же резко закрылась.

Я откинулся на подушку. Уставился в потолок.

Однозначно Манью меня заводит. И это, прямо скажем, совсем не хорошо. Связаться с подобной женщиной – верный способ найти себе на голову проблем. Покатается, полечит и пусть валит на все четыре стороны. Пока я реально

не натворил глупостей. К тому же, связь со мной поставит жирный крест на будущей семейной жизни девушки. Не буду портить ей будущее.

Прошла буквально минута после ухода китайки. Дверь снова открылась, в вагон заглянул Тимофей. Физиономия была у него смущенная.

– Ушла? – шепотом спросил он. – Ох и дамочка... Я поутру вежливо приехал в аптеку, чтоб доставить ее к вам, так она... – Тимоха оглянулся через плечо, словно искренне верил, что Маню может стоять там и подслушивать, – Так она меня прямо тряпкой отходила по спине. Сказала, я слишком громкий.

– Ушла, Тимоха. Заходи. И зови Селиванова. Нам нужно обсудить предстоящий переезд. Будь добр, сделай нормального чая заодно. Настойки старого Шэня, может, и лечат, но вкус у них...

Вахмистр резво выполнил оба моих указания. Тут же сообразил крепкого чаю с сахаром и позвал Селиванова.

Петр материализовался в дверном проёме так быстро, будто подпирал стену снаружи, ожидая сигнала. Он ввалился в вагон вместе с клубом морозного пара, на ходу снимая шапку.

– Звали, ваше сиятельство? – приказчик замер у печки-буржуйки, потирая покрасневшие от холода руки.

– Докладывай по существу. Только без лирики и верно-подданнических завываний. Что у нас по запасам еды, угля.

Селиванов вздохнул, вытащил из-за пазухи засаленную тетрадку – свой импровизированный гроссбух.

– Начну с общего. Все пока тихо, ваша светлость. Оцепление держим, лишних не пускаем. Уголь от КВЖД прислали – видать, ваши договоренности в Управлении сработали, теплушки не выстудим. Но с провизией... – он замялся, листая страницы. – Беда, Павел Александрович. Продовольственный склад пуст на две трети. Дня на три растянем, если на полпайка перейдём. Хлеб почти закончился. Остальное тоже на исходе... А главное – люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.